

О.М. Исаченко

Новосибирский государственный университет

Фразеология русского языка как игровое пространство

Аннотация: В данной работе предлагается обзор способов языкового обыгрывания фразеологизмов в различных сферах современной речевой деятельности. Будучи наиболее традиционным пластом русской лексики и, по сути, выполняя роль знаков «языка» культуры, фразеологизмы тем не менее успешно вовлекаются в «языковую игру», служат основой для создания комических эффектов и богатым материалом для упражнений в остроумии. В статье предпринята попытка выявить структурно-семантические параметры, мотивирующие богатый «игровой потенциал» русских фразеологизмов.

The article presents an overview of language play with phrasemes in various areas of modern language activity. Being the most traditional segment of Russian vocabulary and effectively playing the role of cultural signs, phrasemes are, nonetheless, actively involved in wordplay and are used as basis for comic effects and exercises in humor. In the given article, an attempt is made to discover the structural-semantic parameters motivating the rich wordplay potential of Russian phrasemes.

Ключевые слова: фразеологизм, идиома, омонимия свободных и фразеологических словосочетаний, «игровой потенциал», внутренняя форма, динамические процессы.

Phraseme, idiom, homonymy of free and phraseological word combinations, wordplay potential, underlying form, dynamic processes.

УДК: 81'367.622+81'371.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, гуманитарный факультет, кафедра общего и русского языкознания. Тел. (3833) 3634230. E-mail: isachenkoo@mail.ru.

Динамические процессы в сфере русской фразеологии, в частности постепенный выход из употребления отдельных фразеологических единиц (ФЕ) и полное их забвение, объясняются в работах А.И. Федорова [1969, 1970а] естественными причинами «социального взросления», изменениями условий коммуникации и общеязыковыми процессами. Например, «редукция» фразеологических синонимов с общей семой 'ударить' (или 'побить'), распространенных в низком стиле художественной речи второй половины XVIII в. (*дать леца, дать каши чьему-либо языку, дать перебьку, дать кому-либо туз / туза, дать киселя, отвесить образум, скроить треуха, надавать поботух, отделать на обе корки, задать качку, дать зорю, дать щипачиху, нагреть шею*), обусловлена социально-психологическими причинами: «В пушкинский и послепушкинский периоды они не соответствовали изменившейся социальной психологии образованной части общества: отпала необходимость “живописать” различного рода оплеухи» [Федоров, 1970, с. 70–72]. Другая группа ФЕ, имевшая «хождение» в XVIII–XIX вв. и обозначавшая различные стадии опьянения (*насандалить нос, писать ногами вензеля, в голове булавка бродит*) постепенно вышла из употребления по причине «утраты актуальности понятий... связанных с компонентами этих фразеологиз-

мов» [Федоров, 1970, с. 80–81]. Само же явление, русское пьянство, актуальности не утратило, поэтому в XIX–XX вв. фразеологическая система литературного языка пополнилась новой группой ФЕ «разговорного происхождения»: *под градусом, под хмельком, под мухой, по шефе*¹, *в стельку, в дугу* [Там же]².

Таким образом, как пишет А.И. Федоров, в отличие от процессов архаизации в лексике (по причине исчезновения реалии), во фразеологии действует другой механизм обновления – «утрата или недостаточная экспрессивность» фразеологизма, «моральный износ» и, как следствие, «стремление носителей языка обновить его образность такими фразеологическими единицами, которые своей подосновой содержания отражают новые явления времени и поэтому ближе соответствуют социальной психологии людей» [Там же, с. 82–83].

Об этом, кстати, красноречиво свидетельствуют данные «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики». В качестве иллюстрации приведем группу идиом с общим значением «безразличие, равнодушие, невозмутимость», в которой традиционные выражения соседствуют с новыми и новейшими: *до балды, забить болт, бровью не вести / не шевелить, глазом не моргнуть, плевать с высокой колокольни, [все] до лампочки, до лунного затмения, что в лоб, что по лбу, всё нипочём, ноль внимания [и фунт презрения], положить с прибором, с прохладцей, хоть трава не расти, до фени / до феньки, до фонаря, по барабану, по фигу / по фиг, хоть бы хны, хоть бы что, моя хата с краю* и др. [Сл-Т, 2007, с. 479]. Такой материал, с одной стороны, подтверждает правильность выводов А.И. Федорова, с другой – заставляет задуматься о природе «социальной психологии» современных носителей языка, связанной с экспрессией, переходящей в речевую агрессию.

Задача нашей статьи – продолжить тему, начатую А.И. Федоровым более 40 лет назад, и выявить современные динамические процессы в корпусе русской идиоматики, связанные с реализацией приемов языковой игры.

«Игровой потенциал» русской фразеологической лексики определялся экспериментальным путем: языковые значения ФЕ переосмыслились с опорой на их «подоснову», по аналогии с механизмами достижения игрового эффекта на лексическом материале (см. примеры из «бестолковых словарей» [Норман, 1970, 2006; Крысин, 2007]). В результате перебора нескольких десятков ФЕ (на основе алфавитного указателя [Федоров, 2007]) выяснилось, что процедура принудительного обыгрывания внутренней формы фразеологизма чаще всего приводит к восстановлению его реальной подосновы: *наломать дров, выжать все соки, в час по чайной ложке, дать жару, дать по шапке, показать товар лицом, тянуть кота за хвост, попасться на свою удочку, сломя голову, держать нос по ветру, дойная корова, первый блин комом, держи карман шире, подводный камень, как пить дать* и т. д.

И все же некоторые «шутливые» толкования для цельно воспроизводимых сочетаний (включая собственно фразеологизмы) придумать удалось: *Адамово яблоко* ‘яблоко, которое Адам получил от Евы’; *тянуть резину* ‘растягивать шланг по дачному участку’; *матерные слова* ‘слова мамы’ (напутствие, назидание и пр.); *говорить что попало* ‘излагать понятий, усвоенный материал’ (о студентах после лекционного курса); *хоть тресни* ‘разрешение ударить’; *выучить на зубок* ‘знать очень мало’; *остаться при своем* ‘не уходить от мужа’; *взяться за ум* ‘обхватить голову руками’; *упаднические настроения* ‘о ребенке, который упал и плачет’; *подоспеть вовремя* ‘об овощах или фруктах, созревших к моменту за-

¹ В современных словарях зафиксированы написания: *под шофе / подшофе* [Сл-Т].

² Ср. номинации нового времени: *под балдой, под газом, принять на грудь, набратся по самые брови, залить баки, напиться в дым / в хлам / в лоскуты / в дупель / в дупелину / в зюю* и др. [Сл-Т, с. 774–781].

готовок'; *задать дрозда* 'дать задание по зоологии'; *доводить до ума* 'учить студентов'.

Суть такой языковой игры заключается в установлении параллелей между устойчивыми образными словосочетаниями (с фиксированной формой и значением) и «одноименными» безобразными перемешанными (свободными) сочетаниями. Такой параллелизм создает условия для возникновения омонимичных отношений¹, ср.: *бить ключом* 'ударять' – ФЕ *бить ключом* 'фонтанировать', в которых различия провоцируются омонимией сущ. *ключ* 'бьющий из-под земли источник' и 'металлическое приспособление для отпираания / запираания замка' и различными лексико-семантическими вариантами глагола *бить* '1. Ударять, колотить' и '9. С силой вырываться откуда-л.; вытекать стремительной струей' [БТС].

Существованию такой омонимии способствует то, что слова-компоненты ФЕ полностью не утрачивают связи с системой значений слов свободного употребления (например, *капля* 'маленькая частица жидкости' → 'небольшое количество': *капля в море, капли в рот не брать, капля за каплей, до последней капли, ни капельки, последняя капля*), т. е. десемантизации компонентов ФЕ не происходит².

Между омонимичными свободными и несвободными сочетаниями обнаруживается семантическая связь через общий компонент значения. Ср.: *забросить удочку* 'швырнуть удочку куда-н. вверх' и ФЕ *забросить удочку* 'предпринять действия с целью что-л. разведать', мотивированная действием 'закинуть удочку в воду с целью поймать рыбу' [Самарина, 1979]. Очевидно, что формирование идиоматического значения начинается в «недрах», в структуре переменного словосочетания, о чем свидетельствуют ФЕ с прозрачной внутренней формой: *поджигать / поджечь хвост* 'испугавшись последствий своих действий, поступков, становиться осмотрительным, осторожным', *не видеть в упор* 'демонстративно игнорируя кого-л., стараться не замечать, не смотреть на него', *пробный камень* 'то, что позволяет выявить свойства, качества, сущность кого-л. или чего-л.', *платить / оплатить той же монетой* 'отвечать тем же самым, таким же отношением, поступком и т. п.', *оторви и брось* 'о лихом, отчаянном или ни к чему не пригодном человеке' [ФС, 2007], *дать по шапке* 'ударить или прогнать, уволить' [БТС].

Переход, совершенный однажды свободным сочетанием в сторону идиомы, по-видимому, необратим. При нефразеологическом употреблении таких единиц «в фоновом режиме» всегда присутствует идиоматическое значение, что и создает в сознании носителей языка парадоксальное сцепление и обуславливает возникновение игрового эффекта, так как ФЕ – ментальные структуры, которыми говорящий владеет на «глубинно-подсознательном» уровне [Телия, 2006, с. 435].

Сказанное, однако, не препятствует широко практикуемому языковым экспериментам с наиболее традиционным пластом русского языка – фразеологией, что подтверждают многочисленные примеры, собранные нами по самым разным источникам. Как показывает речевой материал, игровой потенциал фразеологических и других устойчивых сочетаний активно используется для создания комиче-

¹ В динамическом аспекте можно рассматривать не только собственно языковые фразеологические единицы, но и метаязык их описания: в одной из работ, опубликованной в 1979 г., прямо сказано, что для пар совпадающих несвободных и свободных сочетаний «нет специального термина» [Самарина, 1979], а в работе другого автора спустя почти 30 лет эти отношения прямо называются «омонимией»: «Если контекст сигнализирует о бессмысленности буквального понимания словосочетания в данном окружении, перед нами несвободное словосочетание – **омонимичное** свободному» [Черданцева, 2006, с. 447].

² Тем не менее это не создает благоприятных условий для синонимической замены в компонентном составе ФЕ: *выносить / вынести сор из избы* (вместо *сор* нельзя *мусор*, вместо *избы* – *дом, хата*, вместо *выносить* – *выбрасывать, выметать*), *моя хата с краю*, но не **не мой дом (квартира, дача) с краю*. Такие замены разрушают внутренний механизм сцепления элементов фразеологического единства.

ского эффекта в нескольких сферах. При этом «разрыв» идиомы чаще всего происходит через возвращение (и обыгрывание) буквального значения или через переосмысление значения одного из компонентов ФЕ.

В художественной литературе обыгрывание ФЕ чаще всего служит для создания речевых портретов колоритных персонажей – остроумных, язвительных, способных к языковой рефлексии. Например:

(1) – Да. **Битый час** вы терпели меня. В английском нет такого выражения – битый час. Вслушайтесь: битый час! **Избитый час, измочаленный, поученный, поуродованный** (А. Слаповский. Кумир). Внутренняя форма фразеологизма *битый час* ‘очень долго; о времени, потраченном на что-л.’ актуализирована путем подстановки в синонимический ряд, построенный на основе образа действия (по глаголу *бить*). В результате рефлексивного сближения с глаголами деструктивного воздействия на объект сочетанию *битый час* возвращен исходный грамматический статус причастного оборота со страдательным (и в терминологическом, и в общечеловеческом смысле) значением.

(2) Я взглянул в одутловатое, нездорово-бледное лицо хозяйки. Большой синегелто-фиолетовый синяк цвел под правым глазом. **Явно ручная работа** (Д. Донцова. Спят усталые игрушки). «Ручной работой» называют изделия, изготовленные своими руками, здесь же речь идет о «рукотворном синяке».

(3) – Ну и чем она занимается? – рассеянно спросил он.

– **Дурью мается**, – вздохнула жена... – ...В прямом [смысле]. Сидит на дурю и жутко от этого **мается**... (Б. Акунин. Фантастика. 2005).

Переосмысление ФЕ осуществлено на основе омонимического сближения лексико-семантического варианта слова *дурь* ‘блажь, сумасбродство’ (соответственно *маяться дурью* ‘делать глупости, поступать не так, как следует’) с маргинальным значением – жарг. ‘наркотик, изготовленный из определенных сортов конопли; высушенные листья конопли; анаша’.

(4) – Может, я для Венеры родилась приспособленная или какой-то другой планеты. Короче, с детства **на колесах**.

– **Ездишь куда-то лечиться?**

– Колеса – таблетки. Порошки тоже всякие. Инъекции. Всю жизнь лечат – вылечить не могут... (А. Слаповский. Победительница).

Непонимание в ситуации слабой степени знакомства коммуникантов возникает из-за двусмысленности устойчивой формы *на колесах*: ‘за рулем / в пути’ или ‘на таблетках’ (постоянно принимая лекарства); ср. также: *жизнь на колесах*, *жить / быть на колесах* ‘в постоянных разъездах’.

В публицистике и тележурналистике каламбуры на основе традиционных ФЕ и других устойчивых сочетаний выступают в качестве оригинального стилистического приема, средства привлечения внимания и выражения авторской иронии. Рассмотрим примеры:

(5) Греции сейчас **не до жиру** (из новостного сюжета 1-го канала от 16.10.2011) о введении налогов на жиросодержащие продукты питания) – обыгрывается начало поговорки *Не до жиру, быть бы живу* при актуализации прямого номинативного слова *жир*, чтобы выразить мысль о том, что «налог на жир» не может спасти безнадежное экономическое положение Греции.

(6) ...И пусть не все будущие чемпионы [дети, которые занимаются в спортивных хоккейных секциях] **твердо стоят на коньках**... (1 канал, 16.10.2011) – обыгрывание лексического состава ФЕ *твердо стоять на ногах* ‘быть самостоятельным, не нуждаться в чьей-л. поддержке’.

Игровой потенциал идиом широко используется в номинативной функции заголовков, например: «Табель о шлангах» (о новом принципе ранжирования «отечественного служилого сословия»); «Охотник пуще невольника» (об охотничьей традиции в России); «Нечаянная гадость» (о Нечаеве и тимбилдинге), «Эразм крепчает» (о новом прочтении «Похвалы глупости» Эразма Роттердам-

ского [Дм. Быков. Календарь. Разговоры о главном]); «*Ни дать, ни взять*» (об акции «Остановим коррупцию!» в Самарской области); «*Чтоб нам пусто не было*» (о восстановлении памятника Дзержинскому на Лубянке); «*Партитуры не горят*» (о вальсе Ф. Мендельсона // Вести 24, 7.10.2011); «*Кадры решают все*» (о победе клипового сознания над книжным и предпочтениях молодого поколения: комиксы и телевидение вместо книг) (1 канал, 2.10. 2011).

Для **рекламных текстов** выбираются, как правило, устойчивые единицы, прозрачная внутренняя форма которых парадоксальным образом переиначивается (часто при поддержке визуального ряда):

(7) *Пора выбросить из головы перхоть* (ср.: 'забыть, не думать о чем-л.').

(8) *Nissan готов к неожиданным поворотам* (в рекламном ролике демонстрируются неожиданные выражи, которые способна выполнять машина).

(9) *Добрый килограмм в каждом литре* (в рекламе сока «Добрый» актуализируются прямое и фразеологически связанное значения прилагательного *добрый* – ЛСВ-6 разг. 'значительный по величине, силе и т. п.' [БТС], которое в данном контексте выражает смысл 'значительное, существенное количество, не менее килограмма').

(10) *Что это еще за фрукт?* (в рекламе фруктового йогурта «Активия» в противоположном оценочном регистре переосмыслиется негативная сентенция, которую чаще адресуют человеку, вызывающему неудовольствие, раздражение).

(11) *С «Триколор-ТВ» ты всегда в своей тарелке* (в рекламе спутникового телевидения Ю. Стоянов сидит и раскачивается в тарелке).

(12) *Самый мясной из всех роллов. Этого не отнимешь!* (Линейка рекламных роликов строится на обыгрывании слогана: *Биф-Ролл – этого не отнимешь!* В одном из рекламных сюжетов герой проносит на вытянутой руке свой «Биф-Ролл» мимо всех желающих его отнять и благополучно добирается до автобуса, где может спокойно его съесть).

(13) *Вопрос сбивает с ног?* (В ролике, рекламирующем услугу «безлимитный Интернет с телефона», *сбивать с ног* иллюстрировано через падение: девушку на роликах, которая заблудилась на аллеях парка и остановилась в нерешительности, в буквальном смысле (буквами!) сбивает с ног вывеска с вопросом: *Где я?*).

В **юмористических текстах** (в шутках КВН, ситкомов¹, пародийных шоу и др.) фразеологическая игра призвана развеселить зрителя; желательной (и ожидаемой, прогнозируемой) реакцией на неожиданные каламбуры является смех.

Например, юмор команды «Кефир» (г. Нягань, Ханты-Мансийский АО) исключительно языковой. В качестве потенциального «источника» смешного, наряду с другими единицами, довольно часто используются устойчивые выражения и ФЕ:

(14) [На сцену вышла команда, все в шапках] – *В Юрмале* [где ежегодно проходит конкурс «Голосающий КиВиН»] *мы получили по шапке, а Кивина не получили* (ср.: *получить по шапке* 'получить нагоняй, выговор').

(15) – *Игорек у нас не пьет* [Игорёк вышел из ряда, чтобы уступить дорогу двоим в костюмах (в форме стаканов), когда они пробежали, встал на место]:

– *Что ты делаешь?*

– *Подумаешь, пропустил пару стаканчиков.*

Основой языковой шутки является свободное значение глагола *пропустить* ЛСВ-1 'дать дорогу' и ЛСВ-7 'разг. Выпить немного (спиртного)' [БТС].

(16) – *Ладно, Игорь, иди в грудь пятого размера.*

---

¹ *Ситком* – *ситуационная комедия* (англ. *situation comedy*, *sitcom*) – разновидность комедийных радио- и телепрограмм с постоянными основными персонажами и местом действия.

– Кудда?!

– *Кудда глаза глядят* (эфир от 14.10.2011).

Выраженный данной репликой смысл 'в том направлении, куда смотрят глаза' неожиданно обнаруживается у фразеологизма, который в языке характеризует, напротив, неопределенность (ср.: 'без определенного пути, направления движения; в любом направлении').

(17) *Он его [мопед] буквально на руках готов носить, по крайней мере до 6 этажа* (т/с «Папины дочки»). Ср.: фразеологическое значение *носить на руках* 'предупреждать все желания кого-л., проявлять большое внимание'.

Названные выше сферы и приведенные контексты иллюстрируют **сознательную** установку говорящих / пишущих на игровую трансформацию структуры или семантики фразеологизма («сознательный комизм» [Девкин, 2006]).

Итак, образная мотивированность ФЕ, прозрачность внутренней формы и безусловная экспрессивность объясняют высокий «игровой потенциал» русских идиом и идиоматических выражений, которые являются «формо- и смыслопорождающим средством» в условиях иронического или юмористического дискурса. Повсеместное увлечение игрой с фразеологизмами (особенно в рекламе) ставит вопросы целесообразности и продуктивности такой речевой деятельности (в культурогенном смысле). Если фразеологизмы, что общепризнано, являются знаками «языка культуры» и источником «содержания культурной коннотации» [Телия, 2006, с. 435], то не приведет ли такое «заигрывание» к разрушению наиболее традиционного, национально-специфичного пласта русской лексики. В этом процессе сталкиваются два противоположных мнения и два интереса. Во-первых, лингвисты по-разному оценивают значимость фразеологии, ср. противоположные точки зрения: «Языковая память фразеологизмов не только хранит, но и традиционно воспроизводит из поколения в поколение инкорпорированные во фразеологизмы культурно-значимые смыслы...» [Там же, с. 440]; «Фразеологизмы относятся к избыточным фактам языка. Их существование оправдано только потребностями экспрессивной характеристики, оценочности предмета мысли» [Федоров, 1970, с. 79]. Во-вторых, в речевой практике сталкиваются противоположные устремления: фразеология существует в языке как инструмент хранения и трансляции культурных традиций через языковые клише и стереотипы, а современный человек, понимая, что социально престижным сегодня является неординарность, оригинальность и ироничность, выбирает в качестве главной речевой манеры остроумие, а оно – «дар, который питается антипатией к стереотипу во всех его проявлениях и отличает личность, склонную к игре...» [Ляпон, 2006, с. 503]. Вопрос в том, как примирить эти полярные устремления? Есть опасения, что при таком комическом настрое, бесконечной трансформации традиционных единиц появится поколение, которому нечего будет передать в смысле «неприкосновенного языкового запаса».

В целом, это противоборство и определяет тенденции развития фразеологического состава языка, с одной стороны, и языковой личности – с другой. И в этом мы усматриваем динамику на синхронном срезе, потому что игра – процесс, а языковая игра – процесс, в который вовлечены сегодня все.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Авт. и сост. С.А. Кузнецов. СПб., 1998 [БТС].

Девкин В.Д. «Односторонний» юмор – только для реципиента // *Язык и действительность*: Сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М., 2006. С. 469–480.

Крысин Л.П. Толково-этимологический словарь как игровой жанр лексикографии // *Язык и действительность*: Сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М., 2007. С. 590–593.

Ляпон М.В. Антипатия к стереотипу (*когнитивная стратегия парадоксалиста*) // Язык и действительность: Сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М., 2006. С. 502–511.

Норман Б.Ю. Всерьез о шутке (Комментарий к «Этимологическому словарю») // Вопр. языка и литературы. Новосибирск, 1970. Вып. IV, ч. 1. С. 188–199.

Норман Б.Ю. История и уроки одной забавы // Норманн Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006. С. 252–337.

Самарина Г.Н. Отношения между свободными словосочетаниями и фонетически тождественными фразеологизмами // Вопросы структуры и функционирования русского языка. Томск, 1979.

Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2007 [Сл-Т].

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М., 2007 [ФС].

Федоров А.И. Изменения в компонентном составе фразеологизмов (на материале русской фразеологии XVIII–XIX вв.) // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1969. С. 159–165.

Федоров А.И. Семантико-стилистические синонимические отношения в русской фразеологии конца XVIII – начала XIX вв. // Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970а. С. 64–92.

Федоров А.И. Лексико-фразеологические и синонимические связи в русском литературном языке конца XVIII – начала XIX вв. // Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970б. С. 93–106.

Черданцева Т.З. Фразеологическая устойчивость и некоторые способы моделирования устойчивых сочетаний // Язык и действительность: Сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М., 2006. С. 442–449.

Телия В.Н. Глубинно-смысловые пласты культуры и ее симболярий в архитектонике фразеологизмов-идиом // Язык и действительность: Сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М., 2006. С. 433–441.

Лингвисты шутят: Хрестоматия / Сост. А. Киклевич. М., 2009.